

Иллюстрации: [Олег Буевский](#) для ОВД-Инфо

01.07.2021, 09:43 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

Особые условия. Как на политзаключенных давят в СИЗО и колониях

В СИЗО и колониях пытаются и избивают заключенных, и это давно не секрет. В России существует [правозащитная организация](#), которая работает с такими случаями. Но куда чаще на заключенных оказывают не физическое давление, а психологическое: ухудшают условия содержания, унижают, угрожают избиениями, изнасилованиями и новыми уголовными делами. Со всем этим сталкиваются и те, кого лишили свободы за политическую или гражданскую активность.

БЕСКОНЕЧНОЕ МЫТЬЕ ПОЛОВ И УГРОЗЫ ИЗНАСИЛОВАНИЕМ. КАК ДАВЯТ СОКАМЕРНИКИ

За отдельную кровать нужно заплатить пять-десять тысяч рублей. Такую сумму придется вносить каждый месяц — это сопоставимо со стоимостью проживания в хостеле в центре Петербурга. Если откажешься, будут бить в живот или затылок. По ягодицам и пяткам бьют реже: такие удары оставляют следы.

Так описывал в 2018 году свой заезд в петербургское СИЗО-6 «Горелово» фигурант дела «Сети» Юлий Бояршинов. В его рассказе речь идет о давлении и насилии не со стороны сотрудников следственного изолятора. Все это делают другие заключенные, сотрудничающие с администрацией учреждения «активисты». Для них в камерах гореловского СИЗО всегда были свободные спальные места. В течение всего дня специальный человек готовил для них еду. Горячая вода в душе существовала только для них. Два из трех унитаза были забронированы для «активистов».

«Если хотят как-то повлиять на заключенного, начинают с изолятора, — рассказывает Денис Тимохин, сотрудник общественного движения „Русь Сидящая“, помогающего заключенным. — Подсаживают в „пресс-хату“. Там сидят специально обученные люди, которые за какие-то поправки со стороны администрации могут оказать физическое и психологическое воздействие. Например, избивая или пытая, пытаются раскрутить на признательные показания. Или сделать так, чтобы человек дал показания на своих подельников».

Юлий Бояршинов со своим адвокатом Алексеем Царевым / Фото: Давид Френкель

С властью «активистов» в изоляторе сталкиваются не только политзаключенные, однако у обычных арестантов иногда есть хотя бы возможность откупиться. Политзаключенному Бояршинову же сразу объяснили, что с ним «вопрос деньгами не решить».

Первые несколько месяцев его заставляли без остановки мыть полы по пять раз в час. Гулять выпускали пару раз в месяц. Угрожали изнасилованием. После каждой жалобы на условия содержания или заявления о переводе в другую камеру Бояршинова избивали.

Однажды его спросили, будет ли он общаться с оперативниками ФСБ, которые должны были приехать в СИЗО на следующий день. Политзаключенный ответил, что готов разговаривать только в присутствии адвоката. За это сокамерники заставили его присесть 1000 раз. «После такого количества приседаний неделю ноги еле двигаются, сложно ходить», — рассказал Бояршинов.

Ситуация с фигурантом дела «Сети» — не единичная. Сразу несколько фигурантов **«московского дела»**

столкнулись с угрозами со стороны сокамерников в СИЗО. Максима Мартинцова, Егора Лесных, Андрея Баршая и Владимира Емельянова запугивали, заставляли признать вину и отказаться от адвокатов. С давлением и избиениями сталкивались фигуранты «ингушского дела», «дела 26 марта», журналист Александр Дорогов, глава карельского «Мемориала» Юрий Дмитриев и другие политические заключенные.

ПЕРЕВОД В ПЫТОЧНОЕ СИЗО И ПОСТОЯННЫЙ КОНТРОЛЬ. КАК ДАВЯТ СИЛОВИКИ

Давить на Юлия Бояршинова стали сразу. Через 10 дней после задержания к нему в СИЗО пришли сотрудники ФСБ. Силовики называли фамилии других фигурантов дела «Сети» и обещали, что если Бояршинов не согласится на беседу, «будет хуже». От разговора он отказался; спустя две недели его перевели в пыточное СИЗО № 6 поселка Горелово — то самое, что славится своими «активистами» и «пресс-хатами». После этого к фигуранту дела «Сети» еще несколько раз приходили сотрудники ФСБ. После каждого отказа от неформального общения условия содержания Бояршинова ухудшались.

Адвокат Светлана Сидоркина много лет защищает фигурантов политически мотивированных уголовных дел. По ее словам, попытки получить признание вины или принуждение к сотрудничеству — наиболее частые формы давления на ее подзащитных. Например, «неформально» поговорить предлагали и Азату Мифтахову, осужденному на шесть лет по делу о разбитом окне офиса «Единой России». Как и Бояршинову, ему угрожали ухудшением условий содержания в СИЗО.

Азат Мифтахов на суде по продлению ареста, июнь 2019 года / Фото: Виктория Одиссонова для «Новой газеты»

Годом ранее к другому подзащитному Сидоркиной, фигуранту дела «Нового величия» Руслану Костыленкову, в изолятор **приходили** те же оперативники, что избивали его во время обыска. Они требовали, чтобы Костыленков отказался от услуг адвоката и дал признательные показания.

Руслан Костыленков в суде / Фото: Георгий Малец, специально для «Новой газеты»

Иногда силовики приходят к политзаключенным уже после приговора. Это произошло с Денисом Бахолдиным, которого суд **посчитал** участником украинского националистического движения «Правый сектор», запрещенного в России. Пришедшие в колонию сотрудники ФСБ **обещали** Бахолдину тяжелую жизнь после освобождения, постоянную слежку и невозможность уехать из страны. Как объясняет адвокат Светлана Сидоркина, это довольно частая практика в отношении политзаключенных, силовики приходили в колонии практически ко всем фигурантам **«болотного дела»**. По мнению адвоката, таким образом органы хотят показать, что «держат все под контролем» и не оставляют политзаключенных даже после вынесения приговора.

ХОЛОД, ПЫТКИ И ШИЗО. КАК ДАВИТ АДМИНИСТРАЦИЯ

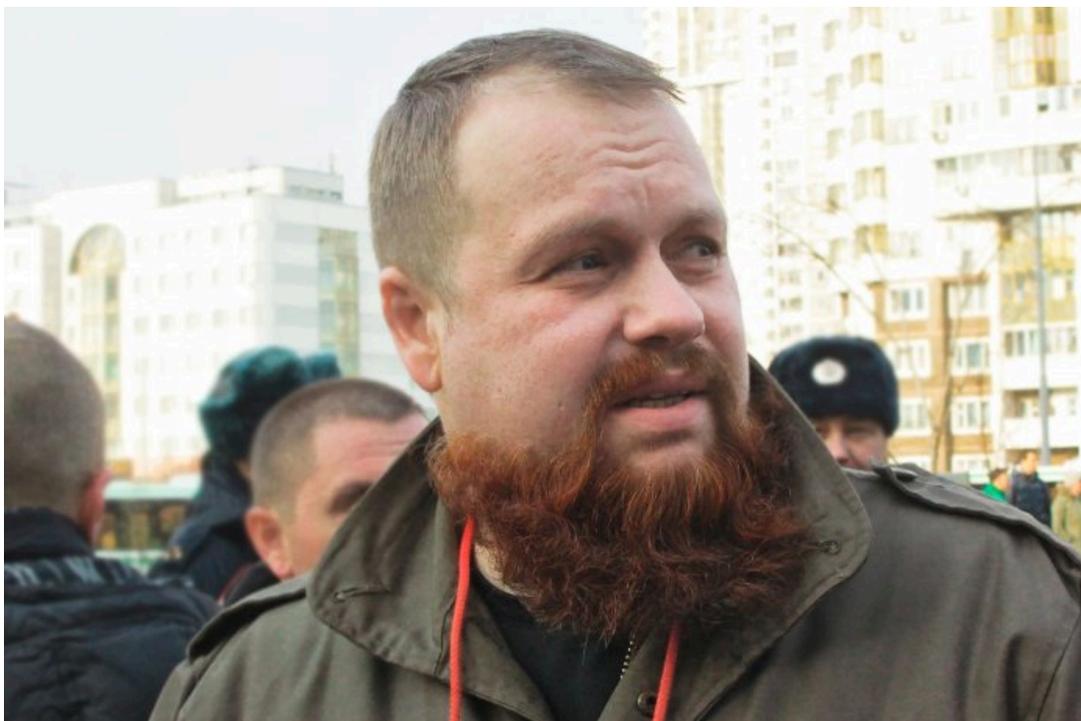
В ходе ознакомления с материалами дела сразу несколько пензенских фигурантов дела «Сети» **рассказали**

о давлении со стороны администрации СИЗО. К Илье Шакурскому и Максиму Иванкину приходил начальник изолятора Олег Исханов и спрашивал, «с какой скоростью» они знакомятся с материалами. Сразу после этого Иванкина отправили в карцер. Шакурскому удалось избежать этого благодаря заявлению в прокуратуру Пензенской области.

Осужденного по «болотному делу» Сергея Кривова в колонии практически **лишили** права переписки: письма не уходили и не приходили на протяжении нескольких месяцев. Как говорил своему адвокату сам Кривов, проблемы с получением писем иногда были и у других заключенных, но не в таких масштабах.

По словам сотрудника «Руси Сидящей» Дениса Тимохина, возможности администрации учреждения практически безграничны: осужденных могут каждый день переводить в разные камеры, пытаться холодом, избивать. «Вариантов масса, — рассказывает правозащитник. — На что фантазии хватит — так и изгаляются. Параллельно человека „разрабатывают“ — выводят на беседы с силовиками. И постепенно добиваются своего».

Осужденный за репост националист Дмитрий Демушкин после приговора оказался в покровской колонии, где его отправили в барак усиленного режима (БУР). «Если человек совсем сильно был виноват, он сидел там три недели. Я сидел там восемь месяцев. Со 105 килограмм [вес] упал до 60. Думал, удастся ли мне оттуда выйти? Но телевизионщики стали настаивать, что хотят со мной снять несколько сюжетов. Когда они приезжали, видели меня и отказывались снимать. Силовики из Москвы сказали владимирским: „Чего вы с ним делаете? Его же даже людям показывать нельзя“», — **рассказывал** Демушкин.

Дмитрий Демушкин на Русском марше, 2014 год / Фото: [Фотобанк Moscow-Live](#), Flickr

Как рассказывает сотрудница Программы поддержки политзаключенных Правозащитного центра «Мемориал» Дарья Костромина, помещение в тяжелые условия содержания — основной способ надавить на человека после приговора. Например, с помощью штрафного изолятора (ШИЗО) **можно** разом лишить заключенного свиданий, телефонных разговоров, посылок, писем, личных вещей, собственных продуктов. «Это самый удобный инструмент в руках администрации, — объясняет правозащитница. — Он, с формальной точки зрения, как бы законный. Администрации это ничем не грозит, а общественного возмущения вызывает куда меньше, чем физическое насилие».

Костромина отмечает, что насилие как таковое в колониях случается гораздо реже. А если случается, то чаще всего оно применяется не только в отношении политического осужденного, а сразу ко многим заключенным. В этом смысле, чтобы надавить на человека, нужно отправить его в пыточную колонию.

Периодически это происходит: достаточно вспомнить Ильдара Дадина, **рассказавшего** о пытках в карельской колонии, или «болотника» Ивана Непомнящих, **избитого** в знаменитой пыточной ИК-1 Ярославля. И если Дадина огласка помогла выйти на свободу, Непомнящих после рассказа об избиении наоборот **ужесточили** условия содержания.

НОВОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО И РОТОРАСШИРИТЕЛЬ. ЧЕМ ОТВЕЧАЮТ НА ПОПЫТКИ ЗАЩИТИТЬСЯ

«Болотнику» Сергею Кривову благодаря вмешательству адвоката **удалось** восстановить свое право на получение и отправку писем. Из-за его заявления прокуратура и ФСИН даже провели проверку колонии, но после этого у осужденного появились проблемы другого рода — ему стали поступать угрозы от руководства учреждения. «После того как посмотрели, **за что он был осужден**, ему сказали: мы тебе запросто сможем устроить уголовное дело за нападение на сотрудника ФСИН», — рассказала его адвокат Ирина Бирюкова. Кривов продолжал обжаловать все угрозы, и именно это ему помогло: по мнению адвоката, от него отстали, когда поняли, что у него есть защитники и поддержка, а сам Кривов не остановится, как бы ему ни угрожали.

«Новое уголовное дело на политзаключенных заводят не так часто, но это тоже случается, — говорит Дарья Костромина. — Это может быть очень жестоким наказанием, при этом у администрации есть на выбор сразу несколько „прекрасных“ возможностей. Можно заявить о нападении на сотрудника колонии. Можно раскрутить нескольких зависимых зеков, чтобы они

подтвердили, что осужденный пропагандировал терроризм».

Чаще администрация просто ухудшает условия содержания заключенных в ответ на их жалобы. Например, кемеровский блогер Станислав Калиниченко жаловался прокурору и Уполномоченному по правам человека на угрозы физической расправой со стороны сотрудника СИЗО. Через три дня его перевели в новую камеру — сырой и холодный подвал с низкими потолками и насекомыми, там не было туалетной бумаги и горячей воды.

Тех, кто держит голодовку, чаще всего запугивают принудительным кормлением. В российских СИЗО и колониях эту процедуру можно сравнить с пыткой: заключенных приковывают к кроватям наручниками, вставляют роторасширитель и силой, несмотря на сопротивление, вводят в пищевод специальный зонд.

Фигуранту «московского дела» Эдуарду Малышевскому во время голодовки угрожали ректальным принудительным кормлением — через задний проход.

Помимо этого, на заключенного стали сыпаться жалобы: то он якобы не так поздоровался с сокамерником, то неправильно отчитался перед охранником.

ПОДДЕРЖКА, ЖАЛОБЫ, МЕДИЙНОСТЬ. ЧТО ПОМОГАЕТ ИЗБЕЖАТЬ ДАВЛЕНИЯ

Сотрудник «Руси Сидящей» Денис Тимохин работает, в основном, с обычными заключенными — теми, у кого нет поддержки, медийности или негосударственного адвоката. Правда, всего этого может не оказаться и у политзаключенного: как рассказывает Дарья Костромина, в [религиозном списке](#) «Мемориала» есть много людей, про которых знают только правозащитники и родственники.

Костромина считает, что наличие поддержки сильно влияет на вероятность оказания давления. Речь идет не о публичных акциях или статьях в СМИ: иногда помочь может даже внимание родственников. «Так, например, было в одной колонии с двумя осужденными за причастность к „Хизб ут-Тахрир“, — рассказывает правозащитница. — Их держали в [ШИЗО](#) порядка ста суток, но после обращений и звонков родственников, наших писем, визита адвоката не трогают уже больше полугода».

Правозащитница отмечает, что это не работает в совсем «отмороженных» колониях или, например, если заключенный находится на особом счету. У украинского [политзаключенного](#) Александра Шумкова есть хороший адвокат, постоянное внимание со стороны семьи, участие украинских дипломатов. Но, по словам правозащитницы, это позволяет лишь иногда притормозить давление, а не прекратить его.

Александр Шумков, 2018 год / Фото: Дарья Костромина

Об общественной поддержке говорит и Ольга Кривонос — адвокат Юлия Бояршинова, чей рассказ о быте в СИЗО «Горелово» смог поднять шумиху вокруг пыточного изолятора. Тогда же защита Бояршинова обратилась в суд с требованием признать условия его содержания незаконными. В итоге политзаключенный провел в «Горелово» четыре месяца, после чего его перевели в другое СИЗО. Официальной причиной перевода стало появление в другом изоляторе свободных мест после ремонта. Кривонос не сбрасывает со счетов эту версию, но верит, что общественное внимание тоже сыграло свою роль.

Если речь идет о насилии со стороны ФСИН, добиться какой-то реакции куда сложнее, считает правозащитник Денис Тимохин: для возбуждения уголовного дела на сотрудников нужны неоспоримые доказательства вроде записи с видеорегистратора, как в [деле](#) о пытках в ярославской колонии. При этом известно лишь о единичных фактах возбуждения уголовных дел против сотрудников колоний.

Все опрошенные правозащитники отмечают, что решение о защите своих прав должен принять сам заключенный. «Я ни в коем случае не возьму на себя ответственность говорить осужденным, на которых оказывается давление, как им себя вести, — рассуждает Дарья Костромина из „Мемориала“. — Мы можем призывать всех стоять до конца. Но сидеть, рисковать здоровьем и новым сроком, голодать, сходить с ума от бесконечного нахождения в ШИЗО — им».

Дело о террористическом сообществе «Сеть»

Десять молодых людей в Пензе и Петербурге обвиняют в причастности к террористическому сообществу «Сеть»: они якобы готовились к волнениям в стране. Несколько фигурантов заявили о пытках.

33 286

Дело «Нового величия»

23 139

Ещё почитать

24.07.2025 Алтайский край

Экс-депутата Алексея Горинова доставили в колонию в Алтайском крае. Его поместили в ШИЗО